

Сергей Задереев

Чёрное копыто

Страшен сон, да милостив Бог.

Русская пословица

Заунывный, занудный, противный звук пилы. Как всегда, опустился ниоткуда. Опустился мраком и принёс страх.

Расчленяют гранит, это будут надгробия. Каменная пыль во рту. Забивает нос, нестерпимо хочется чихнуть. Так пахнет опустошение. Закрываю глаза и вижу: летят во все стороны искры. Осыпаются у ног. Уже запылили ступни. Теперь не встать, ноги как зацементировало.

Тополя. Сухие тополя. Тополя спят. Дряхлые листья. Столбы без проводов. Иду на работу. Чёртова чурка. Кто-то пищит. Дурак в плаще. В носу ветер. Лодка. Где лодка? Лодка не самолёт. Впереди пни. Гнилые. Труха. Мурашки по коже. Муравьи убегают. Муравейники горят. Сегодня не буду. И вчера не буду. Всё-таки асфальт. Чёрный. И небо чёрное. Впереди. Что впереди? Торчат гвозди. Кривые...

Как мне всё это надоело. И попёрся же, и послушался. Психотерапевт сраный. Говорит, бормочи что попало — и страх уйдёт. Конечно. Он только сильней с каждым днём накачивает. А началось всё...

Прснулся, нет, вскочил, сбросив одеяло на пол, сердце колотилось, словно взбежал на девятый этаж, перепрыгивая через ступеньку... Кто-то же гнался за мной, или беда и горе наверху, а выручить только мне. Ошалело осмотрелся: в зеленоватом свете ночника комната была узнаваема, на стене — картина «Подсолнухи», репродукция любимого Ван Гога, на тумбочке — бюстик Пушкина, «на холмах Грузии лежит ночная мгла». Подошёл к окну. Спортивная площадка пустынна, ровные ряды машин на автостоянке. Хоть бы одна пискнула. Сон, был какой-то дурацкий сон, но в голове даже намёка нет на чертовщину, так напугавшую меня. Вдруг заметил, надо же, насколько всё было реально, тело покрылось бисеринками пота. Машинально растираю их по груди, животу. В ванной сполоснул липкие ладони. Сердце уже не потряхивало, и я улёгся. Сон не шёл, всё хотелось понять: что же выдернуло из постели? Но даже

малой зацепки не было. Вставали только, как в дыму и гари, громадные грибы и из них словно в ускоренной съёмке выползали кровавые черви. И ещё был звук пилы. Заунывный, занудный, противный. Так пилят надгробные камни.

Первый раз увидел его в полдень. Бездумно курил на крыльце офиса, прикидывая, где лучше испить кофейку. Всегда ошалевшая от автомобилей улица почему-то была пустынна, осмелевшие прохожие переходили где попало. Две девчухи вообще обалдели, остановились посреди дороги и, хихикая, болтали по смартфону. Была какая-то странная тишина, и только их голоса говорили о жизни. Солнце, казалось, прибывало всё насквозь, и даже под асфальт уходили осколки его лучей. И вдруг какой-то свист, скорее беззаботное пошвыстывание заставило меня оглядеться. В этой неумелой мелодии угадывался незнакомый марш. Обычно они настырно-победные, этот же был грустно-обречённым; наверное, с таким должны вышагивать на казнь, не сомневаясь в необратимости, принимая это как должное.

И я увидел его. Он шёл от храма Вознесения Господня, неся на плече здоровенный крест. Почти двухметровое сооружение, явно нелёгкое, похоже — из морёной лиственницы, казалось ему совсем не в тягость. Он шёл как на прогулке, насвистывая, уступая встречным дорогу, с улыбкой провожая их взглядом, иногда что-то говорил вслед, слов было не разобрать, но, казалось, он знал нечто важное и пытался поделиться. «Чокнутый», — подумал я, выкинул окурочек и потопал в ближайшее кафе.

Обеденное время, и зал был переполнен; выждал свободный столик, и уже чашка парила ароматом, но в голову опять вернулся чокнутый. «Чего я раздумываю? Это просто поклонный крест, в церкви сделали, и он несёт его по назначению. Нормальный мужик, только верующий. Вот и всё. Мы же мимо церкви проходим равнодушно, как мимо гастронома. Крестики носим так, на всякий случай. А он верующий, по-настоящему. Прилично одетый человек. Чего я привязался к нему?»

Пустынная улица, пока пил кофе, ожила, машины в обе стороны шли сплошным потоком.

На светофоре собралось, наверное, человек десять, и когда загорелся зелёный, я замешкался, и уже на середине дороги меня застал жёлтый; нелепо подпрыгивая, побежал и одной ногой уже ступал на тротуар, меня чуть не сбilo такси, кажется, даже колыхнулся пиджак на спине. Глубоко вздохнул, замер, глядя вслед автомобилю. Скотина, невольно перекрестился, вот так и гибнут по-дурацки. Вот так и принесут тебе крест, опять вспомнил чудика. И странно и необъяснимо меня вдруг накрыло чувство страха. Он был беспричинным, как и прошедшей ночью, будто вошёл в меня вместе со вдохом. Страх как приступ, как удар из-за угла, как кирпич с крыши по голове, как волна дикого шторма; огляделся — всё же нормально, не спеша, боясь споткнуться, шёл на работу.

Прежде чем ступать на ступеньки, приостановился, посмотрел на козырёк крыши — всё нормально. Идиот. Дверь в кабинет была приоткрыта; уходя, я захлопывал. Кто ко мне лазил? Внимательно осмотрел всё — никаких следов посторонних. Чертовщина какая-то.

День прошёл в ожидании неприятностей, но всё закончилось как обычно. Домой возвращался на такси, чтобы лишний раз не переходить дорогу. И уже у подъезда встретила кровавая лужа, не переступить. А из неё клыками мерцали куски стекла.

— Вот, не донёс, — со скамейки привстал дедуля. — Трёхлитровка томатного выскользнула. Говорила внучка: бери тетрапак, — нет же, позадничал.

— Вам помочь?

Дедуля обречённо махнул рукой.

Дома страх то отступал, то накатывал, телевизор не помогал, на местном канале чиновники долго препирались о том, когда в городе будет метро, кто сколько украл на строительстве, кого надо посадить и насколько, а я подумал: лучше пожизненно, пусть там облизывается, — и пришлось достать из холодильника бутылку.

Уже перед сном, в липкой, как болотная тина, дрёме, появился чудик с крестом на плече. Он на мгновение как бы вынырнул из тумана и исчез, и лишь крест, вдруг потерявший свой вес, парил в сизом мороке. Чего он ко мне привязался? Поручили тебе нести, вот и исполняй безропотно...

Утро не задалось. Пару раз вырубали свет, ненадолго, но нервирует, когда по-быстрому привык сварить кофе, потом и того хуже — отключили, почему-то без предупреждения, горячую воду. Матерясь, поплескал на лицо студёную и без всякого желания побрёл в контору.

Страх сидел во мне, он, как зверёк, затаился где-то внутри и ждал малейшего позыва, он лапками теребил внутри, было не больно, но противно, он не давал сосредоточиться на работе, и я плюнул и решил прогуляться.

Осень в этом году была не осенью. Солнечно, тепло, парни в футболках и шортах, девчонки всюю светят ногами, можно ходить бездумно, дышать свободно, как в первый день отпуска.

Вышагивал, покуривал, и хотелось вспомнить какую-нибудь любимую песню, чтобы мысленно промурлыкать. Но в голову ничего не шло, кроме грустной эмигрантской «здесь под небом чужим», и я направился на странные звуки в центре города. Там что-то грохало и урчало, как-то натужно, через силу, будто надсмотрщик заставляет, а трудяга упирается, пердит, оглядывается, нельзя ли всё бросить и смыться, раздавить чекушку да и прилечь на травку, погода-то вон какая.

И мне открылась великая стройка. Вчера видел по телку, но не придал значения. В центре, на главной площади, где стоял, по задумке градоначальства, самый высокий в стране бронзовый Вождь, где проводили на утеху ему парады и манифестации, а когда перестройка и демократия как бы распахнули запертые наглухо двери, сюда стали приходиться и в одиночку, и группами недовольные чем-нибудь, кричали о маленьких пенсиях или о несправедливо осуждённом ворюге, здесь можно было всё, только что голым не позволили бы танцевать. Хотя кто его знает? Короче, не жизнь, а малина, и назвали это свободой. Только от чего, понять никто не мог...

Вся здоровенная площадь с Вождём в центре была огорожена двухметровым забором, весело разукрашенным картинками из будущего. Тут тебе и сказочные станции метро, и эскалаторы, заполненные счастливыми людьми, и надписи, какая прекрасная жизнь нас ждёт после создания этого чуда.

Метро... Городок наш когда-то был маленький, заштатный, но, как и всем мелким, ему не просто мечталось, а нестерпимо хотелось выделиться хоть чем-то, стать заметным, чтобы о нём не просто упоминали, а говорили уважительно и с придыханием. Такое иногда и с людьми бывает, наверное, многие замечали: сам букашка ничего не значащая, а гонору, а самомнения. Ничего в этом зазорного, по большому счёту, нет. Грешен человек со времён Адама...

И вот когда ещё в царские времена в городке приняли решение построить кафедральный собор, то, конечно, местом для него стала центральная площадь; правда, тут располагался главный базар города, но его быстро расхерачили, торговые ряды, так будет быстрее, просто сожгли, а архитектора позвали из Москвы, и не простого, а того, что поставил в столице храм в честь большой победы над лягушатниками. Были, конечно, и в городке головастые мастера-зодчие, но их ведь дальше местной околицы никто не знает.

Когда проект был готов, оказалось, что денег на постройку требуется столько, что лучше бы

и не затевали. Глава губернии покумекал, почесал затылок и не только объявил народный сбор средств, он созвал золотопромышленников городка, а золотышка в окрестностях намывалось в ту пору ой как много. Уважаемые люди побряхтели, перетёрли меж собой, да и дали согласие. Как не порадет за родное гнездо? Но ребята они деловые, предприимчивые, были бы пустозвоны — в драных штанах ходили, они сразу замастрячили несколько кирпичных заводиков, и стройка как на дрожжах потянулась. Начали летом, и через четыре года, только уже осенью, кафедральный красовался как перед венчанием. Оставалось кресты на купола утвердить.

Но вот же незадача: чем золотопромышленники, а, не ровён час, и сам губернатор прогневили Всевышнего, а это только Ему и ведомо, но сентябрьской ночью, когда городок и не помышлял просыпаться, храм рухнул, рассыпался по кирпичику, только полторы стены растрескавшихся торчали, как стариковские гнилые зубы.

Была мечта, вот же она, уже не только полюбоваться, но и потрогать можно, припасть на колени и вымолить прощение за всё, что было непутёвого и что может быть... Ан нет, что-то не так пошло. «Осечка», — сказал тогда Сидор Щегольков, главный золотодобытчик, он и пообещал губернатору уже на свои кровные поставить храм, только с условием: в Москву архитектору не сообщать, позора не оберёшься, а каждый новый кирпич должен быть клеймён, чтобы в случае чего было кого выпороть. «Знаю я их, лихоимцев. В раствор не дюжину яиц добавляли, а хорошо если пяток. Да и дров на обжиг жалели», — красиво матюгнулся и плюнул себе под ноги.

Был бы Сидор провидцем, он вообще бы мог в запой уйти. Ведь московский храм того архитектора тоже сто лет простоял — и как не было. Лягушатник на его месте объявился, зато самый большой в столице бассейн.

Пока я шарашился вокруг стройки, на которой уже успели разворовать то ли сто миллионов, то ли целый миллиард, правда, никого ещё не выпорол, хотя можно было бы и расстрелять, никакой страх меня не донимал — видимо, исторические познания отвлекли, но только затих рабочий гул, я вздрогнул, показалось — кто-то преследует. Оглянулся. Подозрительный тип сзади. Чего ему надо? Не торопясь закуривал, пока он не пройдёт мимо, а тот, чуть прошагав, остановился, и когда я поравнялся с ним, он как-то сурово, не по-доброму, попросил закурить. Ишь чего удумал!

— Это у меня последняя, — и зачем-то показал не пустую пачку.

А он даже не извинился и пошёл назад.

Дунул бы сейчас ветер, подумалось, и сорвал с него дурацкую шляпу. А лучше пусть рога у проходящего троллейбуса отвалятся и по башке ему. Пусть валяется, корчится, следопыт сраный.

Троллейбус прошуршал мимо, ни ветерка, никто меня не слушается. В конторе, наверное, тоже потеряли, ведь никого не предупредил. А вдруг... А что вдруг, но необъяснимая тревога с холодком страха опять подступала. Ускорил шаг, никогда такого не было, теперь внимательно смотрел под ноги, не запнуться бы, и уже у крыльца офиса увидел его. Теперь он был в спортивном костюме, кроссовках, на плече всё тот же крест, только теперь он горбился под его тяжестью, его водило из стороны в сторону, покачивало, он устало брёл уже в сторону храма.

Он что, не нашёл где водрузить, кому передать? Я остановился, а он вдруг опустил на асфальт свою ношу и выжидательно посмотрел в мою сторону. Может, ему помочь? Перешёл дорогу и не успел спросить, как он, почти захлёбываясь заговорил:

— Тайфуны, пожары, землетрясения, наводнения. Ты посмотри, посмотри, посмотри. Все люди несчастны. Ты посмотри вокруг, ты оглянись. Улыбки и смех — это пустое, шелуха. Загляни внутрь каждому. Ты посмотри.

— Куда смотреть-то?

— На небо. Всё там.

И я, как замороченный, задрал голову, а он подхватил свою ношу и обречённо побрёл, и уже на повороте, прежде чем скрыться, обернулся, расправился, словно освободился от тяжести, и крикнул в мою сторону:

— Страх правит миром!

И он туда же... Машины неслись бесконечной вереницей; тупо стоял, не решаясь перейти, подумал: хорошо быть слепым, сейчас бы, постукивая перед собой палочкой, остановил этот безжалостный поток.

Из головы весь день не выходила фраза: страх правит миром... Наверное, это и в самом деле так. Хорошо добавить бы сюда ещё жадность и зависть. Ведь если подумать, все беды в мире заключены в этих трёх словах. Сидя за компьютером, даже поинтересовался, что же это такое. И столько заумностей начитался, но понял главное: страх — ожидание будущей угрозы. Он сигнализирует о неведомой опасности. И это ощущение может свести с ума. Знать бы, чего надо избегать, сторониться.

Узенькую дорожку к дому с двух сторон обступали ранетки. Весной их сиреневые, бело-розовые цветы всегда казались заморской сакурой. Хорошо бы там побывать, мечталось каждый раз. Загадочные гейши, суровые самураи... Сейчас яркие разноцветные ранетки осыпались на брусчатку и с чавканьем лопались под ногами. Вот тебе и Япония. Вместо очарования — эти дурацкие звуки. Была красота, а теперь ты её грязными подошвами. Обернулся. И там, где ступал, словно пятна запёкшейся крови оставались.

В квартире, никогда такого не было, машинально, будто ритуал, заглянул в плательный шкаф,

потом в туалет, ванную, на четвереньках под диван. Никого. А кто здесь может быть? Перед сном, как и вчера, проверил входную дверь.

Нет, надо всё-таки позвонить Нинке. Она же врач. Расстались мы нормально, без скандалов. Не пошлёт на х... А то и сам не замечу, как сойду с ума. Крест этот ещё, как щепка, застрял в голове.

— Витенька, ты оглянись, посмотри на себя. Сколько в жизни нагрешил. Ты думаешь, я не знала, что ты мне изменял? — бывшая говорила спокойно, как и полагается медику. — Я догадывалась, что ты женился на мне по расчёту, это я, дура, вторилась, потом ещё и залетела. Куда было деваться? А ты рассчитывал на моего папеньку. Надеялся, что он поможет. Нет, Витюша, отец сам всего достиг. Чтобы я была в достатке. Он весь избит, исцарапан, изломан. В него даже стреляли два раза. Ты не знаешь этого, да и зачем тебе? Сходи лучше в церковь, покайся, свечку поставь.

— Нина, я же серьёзно. Я просил у тебя прощения. На колени вставал. Кстати, как там наш Юрка?

— Вспомнил. Хоть бы на день рождения пришёл.

— Я многое помню. Даже нашу первую ночь. Тогда утром я спросил: тебе кого больше хочется, мальчика или девочку? Ты долго смотрела на меня, потом как-то шкодно улыбнулась и сказала: у нас будет самолётник. А ведь и правда, Юрка неугомонный, как истребитель.

— Не дави на жалость. А со страхом своим... В Бога ты не веришь. Сходи к психотерапевту. Телефон записывай. Юлия Николаевна. Скажешь, что от меня. Что сопишь? Чем-то недоволен?

— Да нет. Почему же? — и нажал кнопку.

«Ты будешь доволен собой и женой, своей конституцией куцей», — мысленно прочитал любимого Блока и подумал: может, уйти в запой — и всё пройдёт?

Но страх не уходил, он разрастался, как опухоль. Просто уснуть теперь не мог, отключался только под бормотание телевизора, утром открывал глаза, а он всё нёс какую-то околесицу. А вдали, не за городом, не в небе, а из неведомого пространства, доносился дребезжащий, заунывный звук пилы. Он то затихал — казалось, ещё чуть-чуть, то вдруг резко нарастал... И когда у него закончатся эти каменные плиты?

Совсем пропал аппетит, есть себя заставлял, ведь нужны силы, чтобы жить. Хотя зачем? Теперь впереди только страх. Был в нём как в липкой паутине, обречённо трепыхался и уже не ждал ничего.

Утром выпал первый снег, он всегда приносит мысли об обновлении, его детская чистота возвращала далеко назад, слышался скрип детской кровати, запах материнской груди, тепло её глаз, хотелось выбежать на улицу, слепить снежок и запустить в небо, засмеяться просто так, пробежать, оставляя следы, потом смотреть на них изумлённо, словно пытаюсь разгадать неведомую надпись.

Сегодня смотрел в окно, и снег был мертвенно-серым. Это не снег. Это выпал пепел. Надо идти к психотерапевту. Хватит откладывать.

Адрес показался символическим: улица Свободы, — и уже шёл, не озираясь, не ждал дурного подвоха, как последнее время. Мне помогут, дадут хоть какой-то ответ.

На пути оказалась небольшая церквушка, и опять это знак: вошёл, и когда спросил у бабули, сколько свечей надо поставить, чтобы искупить грехи, она посмотрела как-то странно — наверное, не расслышала, и переспросил.

— Милок, у нас нет такого количества, — бабуля поправила очки и уткнулась в книжку.

Меня здесь не ждали. Раздосадованный, пошёл по адресу. Хотелось, чтобы это был небольшой уютный дом, но оказалось, психотерапевт располагался в громадной высотке, неприветливо и сурово торчащей среди хрущёвок. И нужный кабинет был на последнем этаже. Пока ехал в лифте, представил, как бы некрасиво падал с этой верхотуры. Потом лежал рядом с детской песочницей, бесформенный, как половая тряпка, никому не нужный, обходили бы брезгливо.

На двери нужного кабинета висела странная картинка: в детской коляске сидел малыш и безмятежно смотрел в небо, на рукоятке примостился белоснежный голубь со сверкающим сундучком в клюве, а на асфальте разноцветными мелками было выведено: «Всё будет хорошо».

— Здравствуйте.

— Проходите. Присаживайтесь, — навстречу встала невысокая, опрятная женщина.

Взгляд её понравился, она как бы сразу предлагала себя в моё распоряжение.

— Юлия Николаевна, мне страшно, — пристально посмотрел ей в глаза, хотелось увидеть, понимает ли она меня.

— Страх чего? — она улыбалась, будто давнему знакомому, по-доброму и как-то доверчиво.

Я вдруг вспомнил мать, когда она меня, нашкодившего, гладила по волосам, ерошила их и сразу прощала.

— Это не объяснить. Просто страх. Страх везде и практически всегда. Он как часть меня и всего, что вокруг. Может, это психическая болезнь?

— Вспомните, когда он у вас появился. Что могло стать причиной, — она взяла со стола стеклянный шар и начала катать в ладонях.

— Вот сейчас боюсь, что запустите его в меня.

— Постарайтесь вспомнить, — она положила шар на стол, он нехотя покатился и упал.

Стук был таким резким, что оба вздрогнули. Шар оказался у моих ног.

— Видите, вы не хотели, а он... — отвернулся от психотерапевта и стал говорить невидимому собеседнику в углу кабинета: — Вначале я увидел человека с крестом. Он его нёс куда-то. Потом

меня чуть не сбила машина. Да, перед всем этим был ещё непонятный сон.

— Про сон, пожалуйста, подробнее.

— Какие-то грибы червивые. Кто-то камни пилил. Противно так.

— Может, у вас на работе проблемы?

— На работе?.. Да нет.

— Вот видите, как вы ответили. И вроде да, и вроде нет.

— Вы наблюдательны, — иронично улыбнулся. — На работе всё нормально.

— У вас есть какое-нибудь хобби?

— Раньше были рыбалка, охота. Всё надоело. Давно не был ни в лесу, ни на реке.

— Попробуйте чем-то увлечься. Коллекционируйте значки, монеты. Много что можно. Ходите по музеям, да заведите себе хотя бы кота или собаку. Вы ведь один, Нина Петровна мне говорила.

— Домашних животных я ненавижу.

— Что ж вы так?

— Они должны жить своей жизнью. Кот должен ловить мышей, собака — помогать на промысле. Будь моя воля, я бы запретил зоопарки. Там лучше содержать тех, кому дали пожизненное. И в цирке бы запретил дрессированных животных. Себя надо дрессировать.

— Вы очень практичны, рациональны... Может, у вас сексуальные проблемы?

— Если вы согласны, давайте проверим.

— Извините. Но ведь у вас женщины нету?

— Как-то так.

— Вот кот или собака и скрасили бы ваше одиночество. Это и будет их главным делом.

— Доктор, вы не о том. У меня другой страх. Он глубинный. Он не только во мне, он под ногами, он в небе, я дышу им.

— У вас просто выгорание. А чувство страха — его результат. Знаете, у меня недавно был мужчина, только у него не страх, у него было хуже. Он здоровый, молодой, успешный, но не хотел жить. Просто не хотел, и всё. И я, не знаю почему, посоветовала ему разводить цветы... Он недавно приходил с громадным букетом, чуть не в ноги кланялся. Не поверите, моя рекомендация спасла его. Он даже встретил свою любовь, — психотерапевт встала, подняла стеклянный шар. — Она работает в цветочном магазине.

— Про цветы я подумаю.

Не сюда мне надо было, не сюда, подкатывало раздражение, и, чтобы не ляпнуть грубость, встал.

— И ещё, Виктор, знаете, когда страх приходит в неподходящий момент и какой-то необузданный, попробуйте бормотать мысленно, не вслух, всякую ерунду, и он должен отступить.

— Это как?

— Давайте попробуем. Только голосом. Я должна слышать.

— Как-то неловко, — напрягся, уставился в пол.

— Не стесняйтесь.

— Всякую ерунду? Можно и матом?

Подумал: скажет — нельзя, и уйду, хлопнув дверью.

— Можно. Что в голову придёт, то и говорите, — и лицо её словно шторкой задёрнулось, как бы в туман ушло.

— Пол, половицы, линолеум, паркет. Бегут тараканы. Хочу наступить. Всё трещит. Валится. И коровы. На зелёном лугу. И вода кругом. Как по песку ползу. Вот сейчас...

— Достаточно,

Я уже боялся, что это бормотание уведёт в ещё худшую от страха сторону, но психотерапевт улыбалась как родному и, казалось, сейчас обнимет меня.

— Достаточно, — повторила она. — У вас получится, — и протянула визитку. — Можете приходить в любое время.

Вдруг захотелось ещё побыть здесь, даже если и не говорить, то просто помолчать, но Юлия Николаевна листала какой-то журнал, изредка поглядывая на стеклянный шар, а я неожиданно подумал: глупенькие, это не мы всё решаем, это жизнь руководит нами, помимо нашей воли она ведёт нас в неведомое, мы всего лишь отражение чьей-то прихоти, кого-то всесильного, порой милостивого, а иногда и безжалостного, но знающего наперёд — так надо, он нас, как слепых кутят, пыгается научить или образумить.

На улице вспомнил о визитке, достал, на обороте её было красивой вязью напечатано «Ключ ко всем дверям. Трансформация сознания, самораскрытие, улучшение качества жизни». А ниже, уже мелким шрифтом, шёл текст из Гоголя, ведь читал когда-то его, но слова эти как-то незаметно прошли: «Воззови к дремлющему человеку, брось ему с берега доску и закричи во весь голос, чтобы спасал свою бедную душу: уже он далеко от берега, уже несёт и несёт его ежедневное сонное опьянение текущей жизни, с её обманами, поклонением копейке и нечувствительно облекается он плотью и стал уже весь плоть. Уже почти нет в нём души. Без живой души человеческой погибнет Земля. Пусть в мире будут живые, а не мёртвые души».

Да, не простой человек эта Юлия Николаевна. Многого хочет, но сможет ли добиться? Это ведь как головой об стену. Таких сегодняшней мир не понимает, даже больше — он их отвергает...

А может, психотерапевт просто очередная шарлатанка? Когда в мире неразбериха, когда пахнет бедой, эти чудо-целители, как тараканы, сбегают на тухлятину. А я привык думать о людях хорошо. Вот когда-то Гагарин перед полётом в космос сказал, что он рад и горд, что вступает в небывалый поединок с природой. Юрий Алексеевич не знал, что мы этот поединок проиграем. У меня не эмоциональное выгорание, это всеобщее

эволюционное выгорание... Когда-то студентами мы придумали секту дырников. Мы молились на солнце, как на Бога. Ведь без него не может быть жизни. Значит, Бог — это солнце. А сейчас подумал: мы все пришли из дырки и уйдём в дырку. Но если та была волшебна и прекрасна, то эта наполнена страхом и скрежетом. Та открыла нам солнце, а эта...

Страха совсем не было, я брёл бездумно, пока опять не оказался на строительной площадке метро. В разноцветном пространстве ограды ворота были распахнуты, и я, озираясь, чтобы не погнали охранники, вошёл. Передо мной, на самом краю котлована, стоял великий Вождь. Он был громаден; городок наш, когда затевали это чудо, уже не заштатный, но в крови чиновников почему-то было неизбывно желание во всём быть первыми, и они заказали скульптуру самому известному, самому дорогому ваятелю и с условием, чтобы Вождь был самым высоким на необъятных просторах. Чтобы он смотрел далеко, чтобы видел всё, а непослушным и подзатыльник мог отвести. Истукан таким и получился. Живым его никто не видел, но старики говорили, что даже шурился Великан как живой. Ещё он был, как и положено, непоколебим и неудержим в помыслах. К нему подходили с робостью, ноги в коленях сами собой подгибались, люди клали цветы на постамент, сердце бухало от волнения, у сентиментальных, говорят, и слезу вышибало, и приходилось, не оглядываясь, уходить. Не дай Бог спросит о чём...

Сейчас Великан стоял на самом краю котлована, чёрная провальная яма была словно пасть, готовая его поглотить. Он же рухнет, со страхом подумалось, чего они намудрили? Хотя задницу показывает начальству, отвернулся от главного дома: ничего, мол, у вас не получится, устою вопреки.

Вокруг стройки были раскопаны останки кирпичной кладки — похоже, жалкие следы торговых рядов. Когда их решительно пожгли, раздосадованные купцы бурчали меж собой: ужо будет вам, — и они не ошиблись. Как московский храм знаменитого архитектора, так и этот пришедшие к власти новые хозяева жизни решили снести. Но строго блюл его возведение золотопромышленник Щегольков, как-никак свои кровные вбухал, яйца на раствор со всей округи свозили, а на обжиг — берёзовую рощу под корень, ни сосна, ни осина на такое не годны, жар от них хилый, и как ни били его ломами энтузиасты в красных рубахах, как ни подкапывали девачи в красных косынках, стоял храм нерушимо. Отступить нельзя, столице уже отрапортовали, и начальство в кожаных картузах подвезло телегу динамита. Бабахнули, кафедральный покряхтел, вздрогнул возмущённо от такой хулиганской выходки, но устоял. Был бы жив Щегольков, он бы

не только пальцем погрозил нехристям, мог бы и с вилами на них пойти.

Подвезли вторую телегу динамита, да так нагрузили, что битюг от татуги пощёрдывал, а копыта в земле вязли. И пошло тогда всё тело храма глубокими рваными трещинами. Не угомонилось начальство, хлопнули кожаными картузами об пол и на третью телегу разорились.

Вначале облако пыли пошло в небо, потом вся земля в округе загудела и как бы вздохнула горестно. А когда осело серое марево, на месте самого большого храма в Сибири была бесформенная груда кирпичей, многие из которых, как глазком, поглядывали клеймом с двуглавым орлом и фамилией заводчика на сотворённое бесовство.

Парни в красных рубахах, девки в красных косынках, впереди начальство в кожаных картузах — сгрудились, как на поминках, у смердящей порохов кучи и сфотографировались. Они не плакали, а были суровы и не улыбочивы. Что-то всё-таки, наверное, свербело в душе. А за углом, у покорёженной ливственницы, прижавшись щекой к стволу, ухватившись рукой за ветку, плакала старушка. Лицо её от горя как коростой покрылось. Слезы были мелкие и терялись в морщинах.

Бабуля ещё не знала, что на фундаменте храма земляки её поставят главный дом губернии и назовут его не как-нибудь, а Дом советов. Отсюда будут исходить все наставления народу. И где пахать, и где сеять, только что где нужду справлять упустили, — короче, чтобы жизнь шла по новым правилам. И опять сибиряки не стали мелочиться, проект заказали не кому попадая, а профессору архитектуры, что главную дачу придумал самому главному тогда начальнику страны.

Рылся я в памяти, перебирал все эти то грандиозные, то нелепые события, разглядывал останки базарных рядов, красный кирпич которых в лучах осеннего солнца, казалось, до сих пор источал жар того, вековой давности, огня. Вспомнилось вдруг, чудные мы, сибиряки, когда приняли решение поставить грандиозный собор, подкинул кто-то губернатору мыслишку: мол, первый закладной кирпич хорошо бы освятить если и не в Иерусалиме, то в Киеве точно. Конечно, не в Москве. Это уж близко очень. И долго дебатировали, беззлобно переругивались, кого снарядить с почётной миссией, сколько рублёв на это выделить, но молодец Щегольков, он был не только самый богатый, но и самый смекалистый, хотя ещё не догадывался, во сколько обойдётся ему затея. Он поёрзал, поскрипел в кресле и буркнул, не вставая, но чтобы все слышали: вы с этой экспедицией год проваландаетесь; строить надо; я сто серебряных в заклад даю, да и золотых не пожалею. На том и порешили, только коннозаводчик Ренат Байгутдинов расстроился, он уже нацеливал своих ушлых ребят отправить, дела бы поправил

и авторитет приподнял. Чертыхнулся татарин и вышел, освободившись от обиды харчком. А вот кому не повезло по-большому с этим Щегольковым, так это ребятам в красных рубахах. Был бы жив золотопромышленник, расстреляли бы без суда и следствия, да и не дожил бы он до такой лёгкой смерти, запинали бы и в грязь втоптали мироеда чёртова. Ведь парни сколько ночей крадучись рыли ямы в поисках серебра и золота, потом махнули рукой и днями стали выходить с лопатами наперевес, пообещав власти добрую половину богатства. Поперессорились, поперепились на этой затее, только Щегольков, наверное, лыбились на всё из-под земли. Он-то точно знал, где закладной металл, но и при жизни бы никому не сказал.

Доски. Камни. Песок. Оживают дубы. Не хочю никуда. Паруса и ветер. Всё оживает и умирает. Птица и ветки. Чертополох. Пройти и не наступить. Гора в овраге. Подняться бы вниз. Берег в реке. Река в море. Пусто. Как в яйце. Убежал и вернулся. На плахе топор...

Страх покинул, когда подходил к офису. Невольно ждал этого и не ошибся. Он был на прежнем месте, только без отягчающего креста. Он сидел на брусчатке, выставив ноги на асфальт.

Он что, каждый раз наряжается? На нём была тельняшка, дырчатое, с пузырями на коленях, трико, обут в берестяные лапти, как из сувенирной лавки. Он смотрел на меня и чему-то улыбался. Улыбка его показалась страшной. И чего он сюда припёрся? Захотелось разглядеть его ближе и спросить. Выждав паузу в потоке машин, сломал, как палку, сухоостину страха и перескочил дорогу. Сердце бухало, словно после стометровки.

Лицо у него было какое-то кривое, раньше этого не замечал, оно было как бы измятое временем, а потом неумело выправленное, один глаз был ниже другого, нос свёрнут, вместо второго уха зияла розовой кожей неровная дырка, всё было какое-то несуразное, но не отталкивающее или вызывающее жалость, как урод или калека. Казалось, он таким и должен быть.

Только хотел спросить: «Может, вам чем-то помочь?» — как он вскочил, поддёрнул трико и побежал, истошно выкрикивая:

— Он упадёт! Он упадёт!..

Он никому не уступал дорогу, прохожие покорно расступались; да он ведь за мной гонится, пришла нелепая мысль, и я, не дожидаясь просвета в движении автомобилей, лавируя, ринулся через дорогу. От истошного звука клаксона чуть не подпрыгнул, водитель высунул голову в опущенное стекло, покрутил пальцем у виска.

Дорога. Бутылка. Отвёртка. На небе всё было. Уйди. Я устал. Оглобля и водка...

Дыхание перехватывало, надо заняться делом, пора в офис.

Вечером никак не мог решить, чем же поужинать, и не придумал ничего лучшего, как запарить доширак. А впереди ещё надо было как-то заставить себя уснуть. Вспомнил совет психотерапевта: может, и правда — значки, монетки, перебирал бы их, пока дрёма не навалилась. Всё-таки это баловство, рано впадать в детство, лучше цветы. Когда-то у матушки весь подоконник был заставлен горшками. Растения однообразные, а вот цвели, словно хвалясь друг перед другом. Один — пушисто-розовым, другой — щедро-фиолетовым, третий — таким пронзительно-красным, словно его вынули из кузнечного горна.

Отец каждое утро после бритья растирал щёки и подбородок одеколоном, смачно покряхтывал, мне же запах не нравился — наверное, потому, что так пахло от классного руководителя, и я уходил в комнату матери и у подоконника старательно вдыхал аромат её цветов. Он был успокаивающим и необыкновенно свежим, ни на что не похожим. Потом, когда был постарше и увлекался летающими тарелками, мне казалось, так же должно пахнуть прибытие инопланетян.

Да! Я посажу несколько таких цветков. Буду их поливать по утрам, разговаривать с ними перед сном. Это тебе не собачка и кошечка, которые лезут в постель, канючат еду, не дадут побить одному, или затыкает, или замякает... И вспомнил, конечно: матушка называла их геранью. У меня будет герань, и она победит страх.

По дороге на работу зашёл в цветочный киоск, и продавщица, маленькая, как бутончик, смуглая и заспанная, обрадовалась мне, долго отговаривала от герани, за ней особый уход и неизвестно, примется ли, пришлось купить большую розу и оставить ей на прилавке, а за геранью, сказал, зайду, возвращаясь домой.

Вот интересно: страх ведь приходит, когда совершил что-то недоброе, злое, ждёшь наказания, знаешь, оно неизбежно. Да если и только задумал гадость, уже боязно это сделать, тебя как бы пеленой страх, остаётся закрыть глаза и рубануть, будь что будет. А потом — страх, как из-за угла, с верёвками, мешками, дубинами.

Я ничего не сделал, ничего дурного не замыслил, страх пришёл как непогода вопреки лживым синоптикам. Пока только моросит, но еле заметный ветерок всё нарастает и, чувствую, скоро шквалом нагонит набухшую тучу. Сейчас за шиворот противно стекает. Поёживаясь, иду на встречу. Чему? Вопреки. Чему? Что впереди?..

После обеда не утерпел и попёрся на стройку, это становилось ритуалом. Какого чёрта меня туда тянет? Сослуживцы посматривали косо: дружище, ты каким-то другим стал, не случилось чего? Всё нормально, отмахивался и натужно улыбался. Увидеть бы в зеркало этот оскал. Да и как им объяснить, что со мной происходит?

Сегодня удивился: третий раз всматриваюсь в груды земли и щебня, теснящуюся беспорядочно технику, а ни одного человека. Да они, наверное, все там, в глубине, под землёй. Представил, как они упорно вгрызаются в ещё никем не потревоженную твердь. Матюгаются, потеют. Да когда ж начальство опять разворует деньги? Норам этим конца не видно, а так, может, ещё бы на четверть века застопорилось. Пока искали бы, кого в кутузку упрятать, новое поколение землероев вырастет, а мы уж на дачке бы пивко попивали да вспоминали, будь оно неладно, это метро.

Вокруг строительной площадки — ровные рядки голубых елей, берёзки, ведь в центре — Вождь-великан, облагоустроено всё. Покуриваю, шуршу листьями — и не заметил, как чуть не рухнул в яму. Она была неожиданной, вокруг ни комочка земли, это был провал. Боясь оступиться, подошёл к самому краю, из тьмы дохнуло сыростью и сквозило, почва ушла, и теперь воздух туда же втягивало. За края этой хищной дыры, вцепившись корнями, свисали кустики и деревца. Они подрагивали мелко, держались из последних сил, не хотели уходить в мёртвое пространство.

Всё понятно, вдруг осенило. Совсем рядом главный дом губернии. Это роют секретную дорогу к нему, всё должно быть как в столице. Для больших людей должна быть тайная тропа; когда напрянет беда, это будет их дорога к спасению. Призрачному, но теперь я был уверен: метро точно будет, ведь на кону столько поставлено...

Вечером долго примерялся, где поставить горшочки с геранью, но лучшего, чем подоконник, места не нашлось. По телевизору шли последние новости, меня это не трогало, любовался цветами, то так, то эдак переставлял, чтобы больше солнца ловили. И вдруг диктор начал рассказывать о раскопках на месте будущей станции метро и что археологи там нашли десяток медных монет, несколько аптечных пузырьков, в лепёшку смятый медный котелок, кости то ли животных, то ли человек, но самое интересное, диктор сделал на это особый упор, чёрное копыто лошади, на удивление сохранившее даже остатки смоляной шерсти на обрубке ноги. Молодой учёный на экране вертел в руках эту находку и восторженно, словно это был клад Щеголькова, пояснял: мол, благодаря этому копыту мы скоро узнаем много нового. Осталось только добавить, подумал я, стало много, что заживём ещё лучше.

Ночью приснилось чёрное копыто, оно стало как бы новогодней ёлкой, радужные лучи от него разбегались по всему небу, осыпая хвоями искр центр нашего города, и когда медленно поплыло в зенит, чтобы бесследно исчезнуть во мраке космоса, раздался взрыв, и глухие раскаты его, как утробное рычание умирающего зверя, заполнили страхом всю округу.

Я проснулся. Страх был везде, во всём, он блуждал по сонным улицам города, он словно набирал сил, и я понял: он не покинет меня, от него не избавиться, не увернуться.

Подошёл к цветкам герани. Вдохнул глубоко, но того чудесного, как в детстве, запаха не было. Пахло влажной землёй, гнилью, и ещё шло ощущение какого-то сиротства.

Натянул одеяло до подбородка и, как научили, бормотал всякую ересь...

Новый день был выходным, и слонялся без дела, поливая герань, приговаривал: пейте, родимые, не тоскуйте, я вас не брошу. Лепестки в ответ даже не колыхнулись. Залез в интернет в надежде узнать, как ухаживать за ними, вычитал, что второе название цветка — журавельник; да, хорошо бы сейчас за город, уже и не помню, когда видел этих птиц. Осень, и они, наверное, покидают нас.

Вспомнил: отец взял меня на рыбалку, весь день моросил дождь, мне надоело пучиться на поплавок, червяки противно скользили, когда их насаживал на крючок, сопротивлялись, и я ушёл в палатку. Отец был так увлечён, даже не посмотрел в мою сторону. Капли монотонно шуршали по брезенту, и я задремал. Во сне пришла мама, печально смотрела на меня и беззвучно плакала. Сейчас я думаю: она видела моё бесполое будущее.

Из сна я вышел от странных звуков. Они шли неизвестно откуда, они были как бы везде, равномерно-однообразные, как шум воды или потрескивание костра, они были сами по себе, безучастны, и мне стало одиноко, потерянно... Высунулся из палатки. Отец, сгорбившись, сидел на пеньке, удочка была воткнута в землю. «Папа, — окликнул, — это что?» Он, не оборачиваясь, махнул рукой. Так не хотелось выползть на мокрую траву, но подошёл.

«Первый раз слышишь? — он показал в небо. — Журавли».

В серой недосыгаемой выси медленно уходил треугольник чёрных зубринок, и мне было непонятно, кто их нанёс на небосклоне и почему они двигаются.

«Это птицы?» Отец кивнул головой. А странные, загадочные звуки, будто предназначенные не для нас, а ведомые другому миру, который знают только они, таяли за горизонтом. Так грустно мне больше никогда в жизни не было. Что-то похожее было лишь после смерти отца, когда последняя лопата земли упала на могильный холмик.

Отряхнувшись от воспоминаний, машинально оделся, вышел и так же машинально дошёл до стройки. Какая-то дурацкая привычка, подумал, обходя её вокруг цветного забора. «Метро разгрузит транспортную сеть города, сократит время поездки, сделает город экологичнее, а передвижение комфортнее». Прочитал и уже хотел поворачивать, но что-то заставило обернуться.

Среди голубых елей мужчина приветливо махал рукой. Служивец? Едва ли. Друзья далеко. Ошибся, наверное. Но направился. И каково было удивление, даже нет, оторопь: это был всё тот же человек, что носил по городу крест.

Сегодня его было не узнать. Строгий дорогой костюм, белая рубашка, чёрный в серебристую блёстку галстук и туфли манерные, явно из модного бутика. Но больше всего озадачивало его лицо, оно уже не отталкивало, не казалось таким обезображенным, да, следы какого-то пожара или катастрофы на нём остались, но, пожалуй, больше всего располагал к себе взгляд, даже притягивал.

— Здравствуйте, — стараясь быть равнодушным, сказал я. — Похоже, мы не первый раз встречаемся.

Он молчал и улыбался, будто поддразнивал.

— Это же вы крест носили?

— А что делать? Приходится.

— И где он теперь? Где-то поставили?

— Он плывёт.

— В смысле?

— Я пустил его по реке. Все должны видеть.

— Что видеть?

— Что нас ждёт.

— Станный вы человек.

— Вы в церковь ходите?

— Редко. Как говорят, когда жареный петух

клонет.

— А я по воскресеньям. Вы курите? — он предложил сигарету, и мы присели на скамейку. — Каждый раз беру несколько просфорок. Съедаю не все, остатки убираю в кастрюльку. Когда она наполняется, увожу их в загородный дом. Рядом лес, и я раскладываю просфорки на пеньки. Птичкам, бурундукам, мышкам.

Он замолчал, поднял с земли ветку, долго разглядывал, вертел её, словно хотел что-то вспомнить или не решался сказать. Я уже хотел извиниться и уйти, но он положил руку мне на плечо.

— И вот ведь как. Неделю назад я их увёз. Был вечер, и не хотелось блудить по кустам. А утром, когда собрался в лес, вдруг почувствовал: что-то не так. Вроде всё как всегда, я стоял на крыльце, озирался и понял: была пугающая тишина. Даже зимой изредка, но чирикают птицы, может застучать дятел, а здесь конец сентября — и ни одного голоса. Они что, в Африку, к теплу, все улетели? Разложил просфорки, а на следующий день решил посмотреть. До единой были целые. Это что? И зверьки разбежались?

Про себя подумал: у меня с головой не в порядке, но этот точно чудик.

— Это знак. Понимаете? Шестая печать скоро будет сорвана, — он резко встал и скрылся за кустами.

Стало одиноко, озирался, хоть кого-то увидеть хотелось; вдруг ожила стройка, загудело, забабало, какой-то чуждый запах гари и металла

накрывал сквер. О чём он всё время говорит, что должны видеть все, кто уйдёт, какая печать, почему надо смотреть на небо? И вдруг понял: больше его не увижу, он сказал всё. И было страшно, мне этого не разгадать, не понять никогда. Удручённый возвращался домой.

Меня никто не ждёт, герани я не нужен, она сама по себе, не полью — зачахнет и не обидится, спокойно уснёт. Отчего такая обречённость во всём и везде? Включил новостной канал, рассказывали о нашем метро, какого-то чиновника осудили условно за украденные миллионы. Подумал: вот бы мне так, утащить сумку денег, жить припеваючи и как бы быть невиновным. Да ведь не знаю, где эти деньги, и воровать не умею. Всё заранее predeterminedено каждому. Может, этот чиновник и не хотел грешить, но что-то давно было заложено в его судьбе, ему было не увертываться.

Диктора сменил уже знакомый археолог. Он смотрел с экрана прямо на меня и рассказывал только мне, я даже невольно буркнул ему: привет, — а он в ответ улыбнулся и поведал: загадку неведомых костей и чёрного копыта они раскрыли. На месте базарной площади, оказывается, когда-то было захоронение татаро-монголов, в подтверждение уже нашли три человеческих черепа, полусгнивший лук со стрелами и седельнику сумку с коваными гвоздями. Для чего кочевникам они — непонятно, ведь ничего не строили, жили в юртах; может, благодаря им хотели понять, раскрыть тайну нашего упорства, бесхитростной простоты и несгибаемости.

И опять пришёл звук пилы, за ним последует страх, и я понесу несусветную околесицу, на грани бреда, пока не забрезжит просвет в сознании.

Пули пукают. Воняет говном. Кровавая кровь. Плачут дети. Воняет жёны и матери. Доска, молоко. Всё улетело. Стружки ветер унёс...

Отступило, и я приготовил чай, разглядывал бесхитростные лепестки герани. Вот живёт цветок и не ведает, что у меня в голове. Наболтала в ней жизнь всякой мути.

Вспомнил: в деревенском доме, где прошло детство, отец в палисаднике посадил ёлку. Мать бурчала, хотела занять это место малиной, но батя сказал: ты посмотри, она одним ростом с нашим сыном, вот и будем смотреть, как они тянутся к небу. Я был недавно на родине, пришёл к развалюхе нашей, крыша поросла мхом, хотелось погладить его, а ель — чтобы разглядеть верхушку, пришлось задирать голову до хруста шейных позвонков. Была крохотная, пушистая, когда он её сажал, дитя, да и только. А сейчас вон как заматерела. И страха у неё нет. И, наверное, она всё знает, что было и что будет. Деревья, ведь они тоже как люди. Просто мы их не понимаем. Или не хотим. А может, нам это было дано, но мы всё распылили в суете, разбазарили. Не к тому стремились.

А ёлку, теперь вижу, для чего отец посадил. Это он лестницу в небо для меня приготовил.

Затрещал вдруг телефон. Первый раз я не узнал её голос, это была моя бывшая. Она говорила как-то неуверенно, робко, будто остерегалась кого-то или боялась, что я, как всегда, брошу трубку.

— Ты это, у психотерапевта-то был?

— У тебя кто-то рядом?

— Одна. Юрка в спортзале.

— Привет сыну.

— Передам. Юля тебе помогла чем-нибудь?

— Дала совет. Даже два.

— Ну и как?

В кои-то веки ей вдруг стало интересно, как я здесь один. Скорее всего, у самой неприятности.

— Нормально. Учусь гадости говорить.

— В смысле?

— Это я так. Цветы выращиваю.

— Помогает?

— Даже очень. Сейчас вспомнил девчонку, у которой покупал герань. Она советовала взять бонсай, но я в память о матушке выбрал журавельник. Это по-народному так называют. А бонсай, сейчас подумал, куплю и подарю ей. Очень уж красиво о нём рассказывала. Говорит, был бы не такой дорогой, себе бы купила.

— А сколько он?

— Рублей пятнадцать.

— Ты всё так же, тыщи рублями. Лучше бы Юрке отправил, он опять какие-то дорожные кроссовки надумал.

— Отправлю. Ты всё-таки какая-то другая.

— Приезжай, посмотри. Бабёнку не присмотрел себе?

— Как-то недосуг.

Пустой разговор. И что ей надо? Были вместе — всем была недовольна, а когда после очередного скандала, как всегда пустякового, хлопнул дверь, вдруг стала помогаться, звонить. Произошёл разлад, а отчего и откуда — ни я, ни она понять не могли. Словно исподволь всё произошло. Непогода незаметно переросла в шторм, а синоптики судьбы нам неведомы.

За окном потемнело, осень торопилась забрать остатки тепла, света, деревья почти раздела, всех готовила к отдыху, хотела погрузить в спячку.

А мы с тобой будем жить, подошёл к подоконнику, коснулся ладонью одной герани, другой. Нет запаха, значит, ушёл в глубину, в корни...

Сон сморил как никогда быстро. Навстречу вышла старушка с торбой за спиной. Мы стояли посреди пустыря, он был бескрайний, заросший полынью.

«У тебя что в сумке?» — хотелось помочь, дорожка должна быть у неё была долгой, и конца ей она не видела.

Она сломила стебель полыни и протянула. Горький запах утраты и одиночества. Переспросил, что она несёт.

«Кусочек смерти, — было в ответ. — Совсем малый, а какая тяжесть».

«Кому он?»

«Меня ждуг».

«У тебя вся спина мокрая. Какие-то кляксы сиреневые. Сними, пусть обсохнет».

«Это слёзы ангела», — и исчезла, растворилась в осенних сумерках, только ветка полыни осталась у меня в руке. Ветра не было, но она колыхалась как живая. А в каких-то семи шагах угрожающе высилась бронзовая громада Великана.

Заматерел ты с годами, хотелось сказать ему. Взгляд только стал другой, не всевидящий и уверенно-твёрдый, а усталый и скорбный.

«Куда-то всё рукой нам показываешь. Куда? Что там? Что нас ждёт?»

«Поизносились вы. Не дойти вам. Вы искали счастья? А что для этого надо? Плащ, котомка и посох. Для жизни больше ничего не надо. Правда, сам я это поздно понял, — и он опустил руку. — В качалке уже когда сидел. Немтырь немтырём, сказать ничего не мог. Да вы и не спрашивали. Вы всегда были как бараны. Вы пригодны только на убой».

И засвистела пила-камнерезка на бешеных оборотах, заволокла всё искрящаяся пыль, и вышел чудик с крестом на плече, взошёл на холм и водрузил его на вершине.

«Ты кто? Тебя как зовут? Мы ведь так и не познакомились».

«Иоанн», — прошептал он.

«Иван?» — прочитал я по губам.

Он не ответил, он смотрел в небо, где несуразным дирижаблем парило чёрное копыто. Из него что-то сочило, и там, где капли касались земли, вставали грибы взрывов. Оттого, что они были беззвучны, страх был невыносим.

Открыл глаза, колотила дрожь, всё тело было липким от пота. Хотелось в реку, не ту, что летом манит прохладой, а ту, что после ледохода, от которой сводит судорога и надеешься только на чудо...

Вот и связалась эта дикая цепочка. Кладбище, базар, храм, Дом советов, метро... Кто бы мог подумать, что она станет такой нерушимой? А каким будет следующее звено? И, уже ведомый непонятной силой, подошёл к окну, распахнул створки, дохнуло прелыми листьями и упадком. Машинально, не глядя на них, брал в ладони горшки, касался их губами и опускал вниз. Они глухо бились об асфальт, и казалось, это не цветы, а чьи-то черепа, рассыпаясь на осколки, уходят в небытие.

Страх покинул... Верига страха, кандалы страха, удавка страха оставили меня, и с мыслью: всё знаю, — облегчённо улёгся в кровать. Знал: герани уже нету, — но цветы перед глазами источали аромат. И это было ещё не всё. Сон вернулся.

Великан стоял на самом краю провала, и у него от страха подрагивали ноги, и во всём была обречённость и пустота. Его никто не подталкивал, но он обернулся, и это стало его прощальным взглядом. Он рухнул в чёрную бездну, оставив как надгробие, постамент из чёрного гранита.

Хотели же похоронить по-людски, подумал я. Из провала торчали только две ноги. Настолько он был велик, что заполнил собой всю яму. Одна нога — в башмаке, а вторая, на ней даже носка не было, отсвечивала красным, как светофор в тумане, заскорузлой потрескавшейся пяткой.

Откуда-то пришёл голос Левитана. И я понял: будет война. И я плакал. Какое же неизбежное горе пришло к нам. Слёзы текли ручьями, и в них ничего не отражалось. Было жалко всех.

Подушка утром была сухой. В недоумении встал у окна. Всё стекло покрывали мелкие сиреневые брызги...

Прежде чем идти на работу, решил сходить на строительную площадку, посмотреть, как там Вождь после моего дурацкого сна. Рассвет только брезжил, но город уже ожил, суетился, торопился, толкался на остановках, всё выглядело бестолково и бессмысленно, будто жестяную игрушку завели ключиком, и она тарыхтит вопреки своим помыслам. На лицах у людей ещё видны следы тайных, сокровенных желаний, но они не в силах побороть сталь тугой пружины.

Вождя у котлована не было. Испуганно осматривался, не хотелось верить в случившееся. Чуть в стороне, на скамейке у голубых слей, о чём-то разговаривали три старушонки. Может, они что-то видели? Подошёл.

— Увезли. Краном сдёрнули и увезли, — ответила одна и радостно посмотрела на меня.

— Куда увезли?

— На склад. Его же беречь надо.

— Ага, на склад, — сердито посмотрела на неё другая. — Хорошо бы. На металлолом уволокли. Он же бронзовый, дорогуший. Знаешь, сколько тыщ за него дадут?

— Догонят и ещё дадут, — третья бабуля поправила сползающий на глаза платок. — Он сам ушёл. Тайными тропами. Он вернётся. Вот увидите.

— Дурында. Я тебе говорю, черти на металл упёрли.

Старушки неожиданно умолкли, смотрели в разные стороны, а я с улыбкой подумал: а что, если бы Вождь и в самом деле ушёл? Ушёл бы в столицу, ведь там, как в осином гнезде, все смутьяны собрались. Они что-то ещё удумали. Утрясётся всё, и затеют для нас новую химеру, поведут, как слепых, к призрачному счастью. И он будет впереди.

Не заметил, как подошёл к самому краю котлована. Из земли торчало раздвоенное чёрное копыто. Оно щерилось жуткой улыбкой. Всё правильно. Ведь у лошади не одна нога была.

Нет, завтра надо идти в церковь. Никаких завтра! Прямо сейчас. Оглянулся. Старушек уже не было, а на скамейке, где сидели они, лежали усыпанные ягодами ветки рябины. Из-за куста её кто-то выглядывал и показывал рукой в небо.

Вспомнил вдруг: самолётник... А ведь Юрка родился от меня. Значит, я — самолёт, и у меня просто усталость металла. Может, крылья скоро отвалятся и фюзеляж пополам...

Палки. Доски. Ветер. Звери. Черти. Волки. Хватит. Уносит и в землю. Крутая дорога. Идти, не сбиваясь. Не страшно. Бессмысленно. Надо в церковь. Надо. Надо. В церковь. В церковь.

Никогда дорога не казалась такой долгой. На перекрёстках останавливали потоки машин, иногда вдруг засматривался на необычное здание или бродажку, что-то выискивающего в урне с мусором. А вон две красотки, разнаряженные, словно с модного подиума, так активно обсуждают, наверное,хождения в ночной клуб, вызывающе смеются, а на малыша рядом, а похоже, это чей-то сын, ноль внимания. Ребёнчишка, тоже разодетый, как в гламурном журнале, такого даже в тупой рекламе по телевизору не увидишь, загребаёт с обочины наивной розовой ладошкой грязную снежную кашу и облизывает.

— Мальчик, это кака. Не надо в рот, — не держал и подошёл к нему.

Он удивлённо посмотрел на меня.

— Пошёл в ж...

Нет, надо в церковь. И когда дошёл, уже на пороге храма посмотрел в небо. Оно было безоблачным. И я понял, почему расстался с семьёй и откуда пришёл страх, и ещё понял: войны не будет. Не будет, если все мы...